

Погони не было, и Цзянь Мянью, перестав спешить, уверенно направил полет меча к подножию горы.

Заметив вдали группу учеников Ордена Небесного Пути, спешащих к Пику Сбора Духов, он увлек Цинь Уцзю под сень леса. Те опустились у подножия и, шаг за шагом преодолевая ступени, потянулись к вершине. Вслед за ними у подножия замерло несколько повозок.

Занавески откинулись, и на землю сошла толпа — мужчины и женщины, старики и дети. Все они были облачены в белые траурные одежды. С покрасневшими от слез глазами люди провожали взглядами удаляющихся практиков. Поддерживая друг друга, они выстроились в ровную шеренгу и пали на колени, обратившись лицом к вершине. Сквозь плотно сжатые зубы прорывались сдавленные рыдания, от которых на сердце становилось невыносимо тяжело.

Наводнение в Дуаньчжоу унесло бесчисленное множество жизней. Ненависть в душах погибших была столь велика, что они обращались в мстительных духов, не давая живым покоя. Ученики Ордена Небесного Пути оставались там именно для того, чтобы уладить это дело. Они привели смятенные души в орден, надеясь, что мощь Чистой Бездны усмирит их гнев и позволит им в будущем вновь войти в цикл перерождений. В противном случае эти духи окончательно превратились бы в злобных демонов, и тогда практикам пришлось бы их уничтожить.

Вернувшись из Дуаньчжоу, Цзянь Мянью подумывал донести главе, что водное чудовище, скорее всего, вырастили намеренно. Но у него не было доказательств — лишь догадки, основанные на словах Шэнь Линьфэна, а в ордене ему бы никто не поверил. Раньше Цзянь Мянью хотел разоблачить кукловода лишь ради истины, чтобы вернуть доброе имя Цинь Уцзю. Теперь же, глядя на горе людское, он лишь укрепился в своей решимости вытащить правду на свет.

Тихо, по другой тропе, двое спутников двинулись вверх по склону и увидели, как ученики направились к Чистой Бездне.

В этом месте томились лишь самые злобные и полные ненависти души, поэтому для открытия врат требовалось присутствие как минимум двух старейшин. На этот раз за порядком надзирали Сюй Юэ и старейшина по фамилии Бай.

У самого входа в Бездну орден воздвиг величественный дворец. Его высокие стены и окна были испещрены защитными рунами и заклятиями, а внутри ждали девять запертых врат — предосторожность, чтобы ни одна тень не вырвалась на волю.

Цзянь Мянью и Цинь Уцзю не могли войти в чертоги, а потому затаились снаружи. Из-за тяжелых дверей они ничего не видели, но в миг, когда Чистая Бездна распахнулась, почувствовали, как изнутри выплеснулся поток чистой духовной энергии, перемешанной с едва уловимым, едким дыханием обиды.

Цзянь Мянью впился взглядом в сомкнутые створки. Любопытство, точно испуганный заяц, металось в его груди, не давая покоя. Общипывая траву на искусственной горке, за которой

они прятались, он негромко пробормотал:

— Эх, заглянуть бы туда...

— Неужто и у младшего брата Цзяня возникли подобные мысли? — Шэнь Линьфэн возник словно из-под земли. Он сиял от искреннего восторга. — Вот и славно! Можем отправиться вместе.

Цзянь Мянью вздрогнул. Откуда он здесь взялся?

Шэнь Линьфэн даже не заметил, что напугал товарища. Протиснувшись поближе к ним, он с надеждой уставился на дворец — похоже, молодой господин и впрямь горел желанием пробраться внутрь.

Вскоре тяжелые двери вновь распахнулись. Старейшины Сюй и Бай в окружении учеников вышли наружу, и засовы за ними с грохотом встали на место. Когда ученики, поклонившись, разошлись, Сюй Юэ едва заметно кивнул и, обменявшись парой слов с коллегой, вдруг метнул острый взгляд в сторону горки, где прятались незваные гости. Он взмахнул широким рукавом, поднимая резкий порыв ветра. Шэнь Линьфэн, почуяв неладное, мигом увлек Цзянь Мянью и Цинь Уцзю прочь.

На северном склоне Пика Сбора Духов примостилась неприметная, изящная вершина. Ученики Ордена Небесного Пути не осмеливались тревожить покой этого места, стараясь обходить его стороной — здесь находилась обитель госпожи Шэнь.

Шэнь Сяо, глава величайшего ордена в мире, пользовался всеобщим уважением, а его сын слыл выдающимся талантом, вызывая у многих зависть. Если в жизни главы и была хоть одна печаль, то крылась она в разладе с супругой.

Брак их был устроен родителями. Молодые люди не питали друг к другу нежных чувств, надеясь, что любовь придет со временем, но Шэнь Сяо целиком посвятил себя совершенствованию. Прошли годы, и госпожа Шэнь окончательно разочаровалась. Вскоре после рождения сына она покинула главный зал и нашла приют на уединенном пике неподалеку от Сбора Духов. С тех пор она жила затворницей, заботясь лишь о нуждах сына.

Своей обители она дала имя Цзинсинь — Утес Цзинсинь. Судя по названию, примирение с мужем в ее планы не входило.

На утесе цвели сады, шумели бамбуковые рощи, а в глубоком пруду резвились рыбы, то и дело выпрыгивая из воды и оживляя тишину этих мест.

— Моя матушка живет на самой вершине, а здесь, на склоне, она пытается выращивать духовные травы, хоть мало что приживается, — Шэнь Линьфэн вошел в бамбуковую хижину с подносом чая и обратился к гостям, изучавшим обстановку: — Кроме маленькой дочки моего второго дяди, сюда почти никто не заглядывает.

Он посмотрел на небо и добавил:

— В это время сестренка наверняка упражняется в азах управления мечом. Сидите спокойно, вам здесь ничего не грозит.

Ученики Ордена Небесного Пути рассказывали, что когда-то Цинь Уцзю вырезал всю семью Шэнь, и лишь Шэнь Сяо, бывший в отъезде, избежал печальной участи. Попав сюда, Цзянь Мянью старался разузнать о родных Линьфэна.

Семья Шэнь не была многочисленной. Линьфэн был единственным сыном, а у его отца был младший брат, погибший несколько лет назад в битве с демонами. После него остались вдова и маленькая дочь, которые теперь жили в ордене. Вероятно, та девочка и была «сестренкой», о которой говорил Шэнь Линьфэн. Говорили, что ребенок души не чаял в госпоже Шэнь и часто прибегал на утес. Жива была и бабушка Линьфэна. Больше близких родственников не было.

Цзянь Мянью никак не мог взять в толк: какая же лютая ненависть должна была двигать человеком, чтобы вымещать зло на женщинах и детях? Вырезать весь род, не щадя даже подростков...

Шэнь Линьфэн разлил чай. Цзянь Мянью очнулся от своих мыслей и поблагодарил его.

— Старейшина Сюй — человек добрый, — улыбнулся Линьфэн. — Он просто предупредил нас, чтобы мы уходили. Наказывать не станет.

Слушая его, Цзянь Мянью все еще не мог поверить в реальность происходящего. Он и подумать не мог, что однажды будет вот так мирно пить чай и беседовать с Шэнь Линьфэном. Глянув на младшего шишу, который явно не собирался вступать в разговор, он произнес:

— Молодой глава ордена...

— Ну какой «молодой глава», к чему эта официальность? — перебил его Шэнь Линьфэн. — Зови меня просто «старший брат Шэнь».

«Старший брат? Не слишком ли это фамильярно для того, кто совсем недавно пытался меня убить?» — подумал Цзянь Мянью, но тут же одернул себя: сейчас Шэнь Линьфэн ничего не помнил, и таить на него обиду было глупо.

— Старший брат Шэнь, — послушно поправился он. — Ты ведь только недавно покинул Зал

Наказаний. Не боишься снова туда угодить?

— Долг платежом красен, — Линьфэн отхлебнул чаю. — Мальчик из городка у подножия горы просил меня об одном деле, и пока я его не исполню, на душе будет беспокойно. — Вспомнив о чем-то, он усмехнулся: — К тому же Зал Наказаний ведь кто-то разнес одним ударом меча.

Рука Цзянь Мяня, сжимавшая чашку, дрогнула. Линьфэн подозрительно прищурился, разглядывая собеседников:

— Неужто это ваших рук дело?..

— Да как это возможно! — тут же выпалил Цзянь Мянью. — Вовсе нет!

Шэнь Линьфэн, кажется, поверил. Известие о разрушении Зала Наказаний его не расстроило, скорее наоборот.

— Признаться честно, это место мне давно глаза мозолило. Так что поделом ему. Знай я, кто этот смельчак, непременно бы стал его названным братом.

Цзянь Мянью едва не поперхнулся чаем. Он искоса глянул на сидящего рядом Цинь Уцзю, молясь про себя, чтобы этого никогда не случилось. Иначе, вернув память, Шэнь Линьфэн с горя сам себя проткнет мечом.

— Так зачем вам туда понадобилось? — спросил Шэнь Линьфэн.

— Просто любопытно.

Тот сразу принял это объяснение. Юношам всегда свойственно любопытство, а в ордене вряд ли нашелся бы хоть один ученик, кому не хотелось бы взглянуть на Лotosовый пруд — просто правила мешали.

Хоть Шэнь Линьфэн и мало общался с этой парочкой, он чувствовал, что они не из тех, кто слепо следует запретам.

— Что скажете? Составите мне компанию? — предложил он.

— У старшего брата Шэня есть способ пробраться внутрь? — уточнил Цзянь Мянью, что фактически означало согласие.

Линьфэн воодушевился. В одиночку ему было трудно, но сообща они могли бы отыскать отца того мальчугана.

— Чтобы открыть Чистую Бездну, нужно двое старейшин, — рассудил Линьфэн. — В нашем ордене четверо старейшин несут стражу по очереди. Судя по тому, что мы видели, сейчас черед старейшины Сюя. Вот удача — мы с ним в ладах, может, и удастся договориться.

Дед и внук, которых он встретил в прошлый раз, ждали его вестей в ближайшем к ордену городке. Сначала Линьфэн попал в немилость и был наказан, потом уехал в Дуаньчжоу, затем восстанавливался после ран... Дело затянулось слишком надолго. Нужно было поскорее дать старикам ответ.

Сказано — сделано: Шэнь Линьфэн тут же отправился к Сюй Юэ.

Старейшины Ордена Небесного Пути жили уединенно. Обитель Сюй Юэ находилась на Пике Цинъя. Склоны этой горы, оправдывая свое имя, утопали в сочной зелени — место было поистине дивное.

Ученикам запрещалось летать на мечах по территории ордена, и между пиками были переброшены мосты, но Шэнь Линьфэн считал их пустой тратой времени и всегда перемещался по воздуху.

Еще издали он приметил на вершине фигуру в белых одеждах. Человек играл на цине. Мелодия была живой и бодрой, но на фоне изумрудных лесов от нее веяло неизбывным одиночеством и тоской.

Линьфэн приземлился на самом краю обрыва, но струны под пальцами мастера даже не дрогнули. Юноша подошел к Сюй Юэ, уселся прямо на землю и, подперев подбородок ладонями, замер, слушая музыку.

Шэнь Сяо был суров и скуп на эмоции, держа единственного сына в ежовых рукавицах. Сюй Юэ был полной его противоположностью — мягкий, улыбчивый. Линьфэн с малых лет тянулся к нему, и между ними завязалась теплая дружба. Старейшину Сюя он не боялся вовсе.

Когда затих последний аккорд, Линьфэн негромко позвал:

— Старейшина Сюй...

— Нет, — отрезал тот.

— Я же еще даже не сказал, чего хочу.

— А разве нужно? — Сюй Юэ поднял на него глаза.

— Пожалуй, нет, — усмехнулся Шэнь Линьфэн и, молитвенно сложив ладони, попытался разжалобить наставника: — Старейшина Сюй, вы же меня больше всех любите, ну сделайте исключение на этот раз.

Цзянь Мянью, наблюдавший за ними из укрытия, оцепенел. При первой встрече Шэнь Линьфэн показался ему воплощением ледяного равнодушия — он готов был убить его лишь за связь с Цинью Уцзю. Очевидно, трагическая гибель родных превратила жизнерадостного юношу в холодную тень. А ведь когда-то он был именно таким — открытым и полным жизни.

Между тем старейшина Сюй принялся выпроваживать гостя:

— Не могу. Иди домой.

Линьфэн, разумеется, не сдвинулся с места. Он выудил из рукава бережно хранимый конверт с письмом от мальчика. Корявые, детские иероглифы гласили, что у них с дедушкой все хорошо и отцу не стоит о них беспокоиться.

Сюй Юэ опустил взгляд на письмо и долго молчал. В его облике что-то дрогнуло.

Линьфэн решил, что лед тронулся:

— Я только найду его и сразу назад. Это не займет много времени, отец и не заметит, обещаю!

Сюй Юэ моргнул, и его лицо вновь стало бесстрастным, точно гладь лесного озера.

— Нельзя — значит нельзя. Уходи.

Затем он повернулся в сторону, где затаились Цзянь Мянью и Цинью Уцзю:

— И вы двое — хватит прятаться. Выходите.

<http://bllate.org/book/17489/1713829>